

сто двадцать пять блокадных грамм
с огнем и кровью пополам.

При этом нужно использовать также данные ассоциативных словарей, которые есть не что иное, как многоликий образ русского сознания.

Таким образом, создав описание хотя бы сотни базовых концептов русской культуры, следует разработать к ним лингводидактические материалы, которые преподаватели русского языка могут использовать в процессе преподавания русского языка инофонам.

Л и т е р а т у р а :

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. Падучева Е. В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН, СЛЯ, т.54, 1995, №3.
3. Фрумкина Р. М. “Теория среднего уровня” в современной лингвистике // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2.

Маслова В. А. Лінгвокультурологія в процесі навчання російської мови.

У рамках антропоцентричної парадигми виникли нові лінгвістичні дисципліни: когнітивна лінгвістика, лінгвополітологія, лінгвокультурологія, лінгвоконцептологія та ін У центрі нашої уваги знаходиться лінгвокультурологія. Ми пропонуємо розглянути можливості прикладного використання лінгвокультурології у процесі навчання російської мови.

Ключові слова: лінгвокультурологія, когнітивна лінгвістика, концепт, культурний простір.

Maslova V. A. Cultural linguistics while teaching the Russian language.

Within the framework of an anthropocentric approach there appeared some new linguistic branches: cognitive linguistics, political linguistics, cultural linguistics, linguistic conceptology and so on. We are particularly interested in cultural linguistics. We suggest to have a look at the possibilities of applications of cultural linguistics while teaching the Russian language.

Keywords: cultural linguistics, cognitive linguistics, concept, cultural environment.

Муратова Е. Ю.

**Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова (Беларусь)**

ВЛИЯНИЕ СОЦИУМА НА СОЗДАНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Новые художественные смыслы возникают при сопоставлении текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений как отдельного автора, так и определенного социума в целом. Дискурсивные связи в поэтическом тексте проявляется за счет координации систем текст-личность, текст-социум, текст-время.

Ключевые слова: поэтический текст, дискурс, дискурсивные связи, лингвокультурное сообщество, “большое время”.

Поэтическое произведение представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы, устанавливающие связь между реальным окружающим миром и языковой личностью. М. Мамардашвили справедливо пишет: “Текст есть то, что соединяет, – в действительности написание литературного текста не есть занятие, отдельное от жизни” [7, с. 27]. Текст “впитывает” в себя смыслы, существующие вне его, и эти смыслы особым образом влияют на все

уровни текстової інформації. В результаті нове образование відіається як текст як такого, і це образование визначається як дискурс.

Термин “дискурс” отримав широке розповсюдження в гуманітарних науках в 60-70-е роки ХХ століття. Виникнення і розвиток теорії дискурсу і практики його аналізу відповідали актуальним тенденціям в європейській лінгвістиці 60 – 70-х років ХХ століття: підходу к речі як к соціальному дійству, розробці прагматики речі (теорії речевих актів), інтересу к речевому употребленню і суб'єктивному аспекту речі, новим підходам к проблемі смисла, прочтіння і толковання текстів, загальною тенденцією к інтеграції гуманітарних досліджень.

Непосередні істини теорії дискурсу і методів його аналізу слід бачити в дослідженнях мовного употреблення (німецька школа П. Хартмана, П. Вундермаха і др.), соціолінгвістическому аналізі комунікації (американська школа Э. Щеглова, Г. Закса і др.), логіко-семиотических дослідженнях різних видів тексту, в описанні етнографії комунікації в антропологіческих дослідженнях.

Одним из перших поняття дискурсу ввів в научний обиход бельгійський лінгвіст Э. Бюиссанс [4], котрий включив в сосюровське протівопоставлення *язык – речь* (langue – parole) новий член: *язык – дискурс – речь*, де langue – система, нека відвлечена умственна конструкція, а discours – комбінації, посредством реалізації котрих говорящий іпользує код мови. Єдиним актуальним предметом дослідження мови в семиологіческому аспекті автор считав discours.

В 60-е роки во Франції благодаря роботам Э. Бенвениста [2] і отчасти Р. Якобсона [11, с. 95 – 113] виникає теорія висказування. Далішнє розвиток теорії дискурсу происходило во Франції в русле аналізу дискурсу. Аналіз дискурсу – міждисциплінарна область знання, виникша во Франції в 60-е роки в першу чергу як теорія і методологія аналізу свертхтекстових смислових образований (М. Пеше, М. Фуко, П. Серио і др.).

По-своєму, не употребляя термин *дискурс*, розвиває дискурсивний підхід Ю.М. Лотман, утверждає, что текст і художественное произведение не одно і то же. Текст, безусловно, важнейший компонент художественного произведения, которое без текста существовать не может. Но художественный эффект в целом возникает только при сопоставлении текста со сложным комплексом жизненных і идейно-эстетических представлений [6, с. 24–25].

При рассмотрении дискурсу в его отношении к тексту представляется наиболее убедительной (і адекватной французским истокам определения этого понятия) точка зрения на дискурс как на сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы, устанавливающие связь между миром і языковой личностью. Как писал Б.В. Томашевский, “произведение создает не один человек, а эпоха, подобно тому, как не один человек, а эпоха творит исторические факты” [9, с. 152].

Цель нашей статьи – доказать, что дискурсивные связи в поэтическом тексте проявляется за счет координации систем 1) *текст-личность*, 2) *текст-социум*, 3) *текст-время*.

1. Художественный текст – это, прежде всего выражение особенностей мироощущения і миропонимания автора. Поэтическое произведение наиболее полно отражает слияние собственно текста, с одной стороны, і авторских интенций, биографических элементов, мировоззренческих установок автора – с другой, т.е. в нем в первую очередь проявляется координация двух систем: текст – личность. В художественном дискурсе речь идет “не просто о носителе мови, – а, прежде всего і важнее всего – носителе определенной концептуальной системы, на основе которой он

понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка” [8, с. 259 – 260]. Как писал К. Юнг “...творец в высочайшей степени объективен, существенен, сверхличен, пожалуй, даже бесчеловечен или сверхчеловечен, ибо в своем качестве художника он есть свой труд, а не человек... В качестве индивида он может иметь прихоти, желания, личные цели, но в качестве художника он есть в высшем смысле этого слова “Человек”, коллективный человек, носитель и ваятель бессознательно действующей души человечества” [10, с. 116–117].

Вот, например, как описывает Е.Евтушенко 90-х годы XX века в России: *Вся Русь, / где столько казнено, – / на Лобном месте казино. / Словно заплатки на портки / кругом ларьки, / ларьки, / ларьки. / Что позади? / Цари, / царьки, / самая в мире лучшая / проволока колючая, / палачи, / салтычихи, / стукачи, / стукачихи, / политбюрошные, / в похожести почти нарошние, / вожди... / Неужто это и впереди?*

Рассмотрим механизм появления новых смыслов на следующем примере из лирики Е. Евтушенко: *Танки идут по Праге / в закатной крови рассвета. / Танки идут по правде, / которая не газета. / Танки идут по соблазнам / жить не во власти штампов. / Танки идут по солдатам, / сидящим внутри этих танков... Чем же мне жить, как прежде, / если, как будто рубанки, / танки идут по надежде, / что это – родные танки? / Прежде, чем я подохну, / как – мне не важно – прозван, / я обращаюсь к потомку / только с единственной просьбой. / Пусть надо мной – без рыданий – / просто напишут, по правде: / “Русский писатель. Раздавлен / русскими танками в Праге”.*

Данный текст несет в себе информацию о реальных событиях: подавление советскими войсками восстания в Праге в августе 1968 года. Центром смыслопорождения является лексема *идти*. Стабильное содержание высказывания, своеобразная “точка отсчета” представлена первой строкой: *Танки идут по Праге*, в которой глагол *идти* употреблен в своем основном словарном значении. Но уже вторая часть предложения в *закатной крови рассвета* указывает на тяжесть предстоящего рассвета (*закатная кровь*). Далее наблюдается когерентное взаимодействие сочетания *танки идут* с иными лексемами текста: *танки идут по правде, по соблазнам, по надежде*. В результате такой связи глагола физического действия и абстрактных существительных происходит дематериализация глагола *идти*, у которого проявляются совершенно новые смыслы, не связанные с физическим действием. Важными смыслообразующим сегментом в контексте является причастный оборот: *танки идут по солдатам* – возможная реальность действительности, но выражение *...по солдатам, сидящим внутри этих танков* рождает иной, бытийный смысл в ином, трансмерном пространстве мышления. Сочетание *родные танки* также представляет собой сложную смысловую структуру и “высвечивает” смысл стыда за свою Родину. Здесь весьма значим повтор прилагательного *русский*, который актуализирует дополнительный смысл трагизма ситуации: сам русский и раздавлен русскими танками. Но главной смысловой зоной в последних строках является лексема *раздавить*. Если “вырвать” строки *Русский писатель. Раздавлен русскими танками в Праге* из контекста всего стихотворения, то убедимся, что глагол *раздавлен* функционирует в своем прямом словарном значении (человек может погибнуть, раздавленный танком). Но основное трансцендентное содержание эксплицируется его переносным значением -- унижен, морально уничтожен, подавлен и одновременно возмущен русскими танками в Праге, и не только автор, но все свободомыслящие люди России.

Иногда в поэтических текстах органично сочетается дискурсивность и интертекстуальность. Это происходит в тех случаях, когда через известные художественные образы, отрывки текстов и под. поэт рисует современную ему действительность. Например, у Е. Евтушенко: 1. *И когда вновь нас ловят в ячейки / от*

кровушки красных сетей, / и хотят оправдать миллионы смертей, / то вздымаются / сказочкам всем вопреки / в мерзлоте замурованные большевики / и нам шепчут, / чтоб мы не вернулись в гулаговский ад: / “Коммунисты, назад... / Коммунисты, назад...”.
2. *Весь мир насилья мы разрыли / до основанья, / а затем / насилье перешло в бессилье, / в мычанье наше: “МММ!” / Бессилье вылилось в насилье... / Кто был ничем, / не станет всем.*

Все вышесказанное доказывает, на наш взгляд, что “материальный мир... пропускается через мир творящего сознания” [5, с. 29], и в конечном итоге эти миры реализуются в поэтическом тексте – феномене кристаллизации личности творца и времени его творения.

2. Поэзия всегда существует внутри определенной культуры, общества, традиции. В этнической идентификации важны исторические, культурные, экономические, природные и другие факторы. Миросозерцание этнического сообщества вырабатывается из общего культурного багажа – мифов, легенд, символов, святынь, эталонов, стереотипов. “Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин... Национальный человек – больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные” [3, с. 107].

Текст, созданный автором в некоторой культуре и ориентированный на ее носителя, является в известном смысле моделью данной культуры; он воспроизводит речевые и эмотивные характеристики, типы поведения, восприятие жизни, характерные для носителей данной лингвокультурной общности. Например, у М. Светлова только названия многих стихотворений уже несут отражение реалий современной ему жизни: “Теплушка”, “На смерть Ленина”, “Рабфаковке”, “Нэпман”, “Клопы”, “Комод”, “Площадь Дзержинского”, “Красная площадь”, “Баллада о чекисте Иване Петрове”, “Кирову”, “Деникин”, “Песня о Каховке”, “Первый красногвардеец”, “Трибунал”, “Московский военный округ” и др.

Особую роль в поэтическом тексте играют дискурсивные элементы, совершенно неизвестные иным социумам. Например, из строк М. Цветаевой: *С шестерней, как с бабой сладившие – / Это мы – белоподкладочники? / С Моховой князя да с Бронной – то – / Мы – то – золотопогонники?* инокультурному читателю будет явно непонятно авторское возмущение, поскольку названия улиц в тексте стихотворения становятся точками бифуркации и имплицитно несут важную социальную, реальную и, как следствие, эмоциональную информацию: на Моховой улице находился в Москве университет, а на близких к нему Бронных селились бедные студенты. Вследствие этого знания совершенно иной смысл получает фраза-негодование поэта: *Мы-то золотопогонники?* С другой стороны, многое, о чем упоминает Цветаева в своих стихах эмигрантского периода, ясно и понятно французам, но непонятно русскому человеку. Например: *И сейчас уже Шаратоны / Не вмещают российских тоск. / Мрем от них. Под шинелью драной – / Мрем, наган, наставляя в бред...*, где Шаратон – больница для душевнобольных вблизи Парижа. Незнание этой информации “стирает” глубинную смысловую зону *Шаратоны / Не вмещают российских тоск* и, по сути дела, для такого читателя теряется основное трансцендентное содержание стихотворения.

Таким образом, текст, созданный автором в некоторой культуре, воспроизводит речевые и эмотивные характеристики, типы поведения, восприятие жизни, характерные для носителей данной лингвокультурной общности, т.е. в нем проявляется координация систем: *текст – социум*.

3. Дискурсивное исследование поэтических текстов позволяет находить в них те

смыслы, которые могут появляться в процессе существования текста в “большом времени”, поскольку, по мысли М. Бахтина, каждое произведение искусства ведет диалог и с голосами из прошлого, и обогащается новыми смыслами в будущем своем существовании. В частности, М. Бахтин писал: “Даже *прошлые*, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде” [1, с.209], т.е. новые реалии жизни порождают новые смыслы текста. Так, наш современник, переживший Чернобыльскую катастрофу, не сможет воспринять так же, как человек XIX века, белорусскую народную песню, в которой упоминается трава – разновидность полыни *чернобыльник* или *чернобыль*. “Никакое произведение, – пишет М. Мамардашвили, – никогда не завоевано до конца, оно есть непрерывно рождающаяся реальность...” [7, с. 399].

Как видим, в поэтических текстах некоторые смыслы выявляются в условиях коммуникативной и временной дистанции между автором и читателем, что позволяет находить в поэзии те смыслы, которые могут появляться в процессе существования текста в “большом времени”: каждое произведение искусства ведет диалог и с голосами из прошлого, и обогащается новыми смыслами в будущем своем существовании, т.е. в нем проявляется координация систем: *текст – время*.

Таким образом, дискурсивный анализ уделяет серьезное внимание механизмам, устанавливающим связь между языковой сферой и внеязыковой действительностью. Дискурсивные связи в поэтическом тексте проявляются за счет координации систем *текст-личность*, *текст-социум*, *текст-время*, отражая личностно-авторский, социальный, этнический и исторический контекст создания и восприятия поэтического текста.

Л и т е р а т у р а :

1. *Бахтин М. М.* К методологии литературоведения / М.М. Бахтин // Контекст – 1974: лит.-теорет. исслед. / редкол. : Н.К. Гей [и др.]. – М., 1975. – С. 203–212.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
3. *Бердяев Н. А.* Национальность и человечество / Н.А. Бердяев // Судьба России. Кризис искусства / Н.А. Бердяев. – М., 2004. – С. 101–109.
4. *Buysens E.* Les Langages et le discours, essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie / E. Buysens. – Bruxelles: Office de publicité, 1943. – 99 p.
5. *Волков О. В.* Художественный текст и символика авторских проекций (на материале романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита”) / О.В. Волков // Структура и семантика художественного текста: докл. VII Междунар. конф. / Моск. гос. открытый пед. ун-т. – М., 1999. – С. 29–41.
6. *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю.М. Лотман. – Л. : Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1972. – 271 с.
7. *Мамардашвили М.* Эстетика мышления / М. Мамардашвили. – М. : Московская школа политических исследований, 2000. – 205 с.
8. *Павиленис Р. И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
9. *Томашевский Б. В.* Писатель и книга. Очерк текстологии / Б.В. Томашевский. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1959. – 279 с.
10. *Юнг К. Г.* Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 297 с.
11. *Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р.О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б.А. Успенский. – М., 1972. – С. 95–113.

Муратова Н. Ю. *Вплив соціуму на творення і сприйняття поетичного тексту.*

Новые художественные смыслы возникают при сопоставлении текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений как отдельного автора, так и определенного социума

в целом. Дискурсивные связи в поэтическом тексте проявляется за счет координации систем текст-личность, текст-социум, текст-время.

Ключевые слова: поэтический текст, дискурс, дискурсивные связи, лингвокультурное сообщество, "большое время".

Muratova E. The influence of Society on the creation and perception of the poetic text.

New artistic meanings appear when comparing the text and the intricate set of life and ideological-esthetical conceptions of both a certain writer and a specified society. Discursive connections of a poetic text appear due to the coordination of systems text-individual, text-society, text-time.

Keywords: a poetic text, discourse, discursive connections, linguo-cultural society, "great time".

Нечитайло І. М.

Київський національний лінгвістичний університет (Україна)

ПАЛЕОСЛАВІЯ І СЕМАНТИКА ДІАЛЕКТИЗМІВ

Порівняльно-історичне дослідження лексичної семантики віддієслівних імен слов'янських мов у координатах слов'янської етимології розширює можливості відтворення важливих фрагментів формування словникового складу праслов'янської мови, як і їх пізніших рефлексів доісторичної та ранньоісторичної доби.

Ключові слова: праслов'янський діалектизм, девербатив, семантичні трансформації, диференціація значень.

Останні десятиліття в славистиці ознаменувалися пошуками нових шляхів реконструкції словникового складу прамови, її діалектної диференціації міграційного ландшафту Палеославії. Особлива увага стала звертатися на більш надійні показники характеру мовних змін різних епох. До таких ознак фахівці відносять, зокрема, праслов'янські діалектизми – рефлекси регіонального характеру, ідентичні за значенням відповідним лексемам у праслов'янській мові, тобто такі, що зберегли у своїй структурі повний набір інтегральних і диференційних сем від періоду існування цієї прамови [5, с. 189].

Отже, в окремих слов'янських мовах збереглася більша частина праслов'янської лексики, але з іншого боку, їхній лексичний склад зберіг також невелику групу характерних давніх слів, притаманних лише конкретній мові або підгрупі. Поширення цієї лексики може в окремих випадках відбивати сліди давніх діалектних відмінностей або контактів. Збереження цих специфічних елементів словника дозволяє дивитися на їхню диференціацію як на показник давніх мовних станів [6; 7].

Історична семантика останнього десятиліття перебуває у стані пошуку загальних напрямків розвитку змісту в структурі індоєвропейських коренів. Сучасні етимологічні студії слов'янської порівняльно-історичної школи приділяють значну увагу семантичним трансформаціям прадавніх морфем на теренах лінгвістичної Славії. Ці розшуки ускладнюються тим, що семантичний рух одиниць будь-якої мови зумовлений її неповторністю, специфікою розвитку, особливостями світосприйняття та самого світу носіїв мови.

Численні дослідження у цьому напрямку слов'янських етимологів дають підстави стверджувати, що у формуванні смислової структури різних лексичних систем мали і продовжують мати місце спільні тенденції, аналогії, відтворюваність ряду моделей семантичних змін на осі індоєвропейська прамова – праслов'янська мова – слов'янські мови. Тут слід згадати праці М. Фасмера і О. М. Трубачова, В. М. Топорова та Ж. Ж. Варбот, В. В. Іванова та В. Г. Гака, Т. В. Горячевої та В. О. Меркулової,